

Ильина Ю. Н. Глаголы со значением 'изменить выражение лица на обозначающее негативные эмоции' в словаре диалектоносителя / Ю. Н. Ильина // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 67—78. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78.

Ilyina, Yu. N. (2020). Verbs with the Meaning 'Change Facial Expression to Denoting Negative Emotions' in Dictionary of Dialect Speaker. *Nauchnyi dialog, 11*: 67-78. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78. (In Russ.).

УДК 811.161.1'28(470.22)

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-67-78

ГЛАГОЛЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ 'ИЗМЕНИТЬ ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЦА НА ОБОЗНАЧАЮЩЕЕ НЕГАТИВНЫЕ ЭМОЦИИ' В СЛОВАРЕ ДИАЛЕКТОНОСИТЕЛЯ¹

© Ильина Юлия Николаевна (2020), orcid.org/0000-0002-1409-1148, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина» (Сыктывкар, Россия), juli_ill@mail.ru.

Материалом для статьи стал авторский словарь жителя Усть-Цилемского района Республики Коми. Автор статьи останавливается на характеристике глаголов, объединяемых в группу на основе общего значения 'изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции'. Новизна исследования видится в том, что рассматриваемая группа диалектных глаголов ранее не привлекала внимание исследователей. Автор отмечает, что форма заглавного слова глаголов в авторском словаре обусловлена как устройством памяти человека, так и самим их лексическим значением, в котором заключен качественный оттенок перфектного значения. Подчеркивается, что глаголы или не зафиксированы в «профессиональных» диалектных словарях, или в них отмечены их другие значения. Автор исходит из того, что словари, составленные непрофессиональными лексикографами, представляют ценность в определении лексического состава говора и уточнении значений диалектизмов. Сделан вывод о разной степени активности в памяти диалектоносителя глаголов данной группы: слово *истравиться* несколько раз зафиксировано в вариантах словаря и оказывается используемым для большого числа ситуаций, другие лексемы оказываются менее частотными и более конкретными в своей отнесенности к описываемым обстоятельствам. Доказано, что глаголы имеют прозрачную внутреннюю форму, в том числе специально описаны мотивировочные признаки слов, тематически относящихся к средствам одного кода — кулинарно-гастрономического.

Ключевые слова: наивная диалектная лексикография; печорские говоры; семантико-мотивационный анализ.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

1. Введение

Наивная лингвистика, уже — наивная диалектная лексикография, в последние годы стала предметом пристального научного интереса лингвистов. В 2012 году состоялась Международная научная конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык», которая обозначила основные направления изучения этого феномена. Так, отдельный блок составили доклады, посвященные народным представлениям о лексике и лексической системе, в том числе о семантике и происхождении отдельных лексических единиц, о способах толкования слов и лексикографической практике диалектоносителей [Гаврилова, 2013].

Самостоятельным лексикографическим опытам носителей языка посвящены работы Е. В. Шевченко, Е. Д. Казаковой (Е. Д. Бондаренко), А. Т. Хроленко и др. Исследователи характеризуют словник, структуру словарных статей, способы толкования «местных» слов с учетом прагматических аспектов лексикографической практики диалектоносителя (установок составителя словаря, представлений о предполагаемом адресате и пр.). Авторский словарь диалектоносителя может выступать также в качестве источника информации о лексическом составе говора в подтверждение, дополнение и уточнение сведений, которые представлены в словарях, подготовленных и опубликованных профессиональными диалектологами.

В результате одной из фольклорно-диалектологических экспедиций Сыктывкарского университета в Усть-Цилемский район Республики Коми филологам оказался доступен рукописный словарь местных слов. Его автором является Леонид Федорович Соловьев, 1934 года рождения, — житель с. Замежная Усть-Цилемского района, которое находится на левом берегу реки Пижмы, притоке Печоры. В наших руках имеются фотокопии словаря и аудиозаписи устных комментариев к нему, которые хранятся в Усть-Цилемском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина.

2. Характеристика словаря диалектоносителя

Жители Усть-Цилемского района, мысля себя русскими, одновременно активно заявляют о своей еще одной особой идентичности: они — «усть-цилема». Одной из опор самостоятельности, выделенности группы на фоне других является в том числе ее особый язык, ярко маркированный образом на уровне лексики (ср. одно из слов-символов усть-цилемской «говори» — *чейно бат*). Стремясь сохранить местные слова, Л. Ф. Соловьев в 2001 году начинает составлять такой словарь на страницах ежедневника (в котором также ведет и дневник наблюдений за пого-

дой, событиями личной и сельской жизни и пр.)¹, а позже, в 2018 году, он с корректировками переписывает его в специальную отдельную тетрадь, делая записи более аккуратными и удобными для чтения².

Л. Ф. Соловьев дает название перечню слов, атрибутированных им как местные, при этом в каждой редакции словаря оно свое. В первой редакции словарь называется «Старинная пижемская лексика», во второй редакции, помимо названия «Лексика местного изречения — говора», на титульном листе написано: «1976 год, 2001—2018 гг. Леонид Федорович Соловьёв». Как кажется, отличные друг от друга названия словаря свидетельствуют об изменении представления Л. Ф. Соловьева о его читателях. В первом случае автор ориентируется на «своих»: он делает запись слов для сохранения местной памяти. Отсюда — указание в названии словаря на временную (*старинная*) и территориальную отнесенность: *пижемская*, то есть не *цилемская* (относящаяся к деревням по реке Цильме, также притоку Печоры, еще один «микрорайон» Усть-Цилемского края). Во второй редакции словаря автор в качестве аудитории, для которой предназначен его труд, видит собирателей, людей из научного круга, которые проявили интерес к его записям. Отсюда в названии — элементы научного описания: использование термина *говор*, поясняющего словосочетание *местное изречение*, а также указание на годы составления словаря и авторство.

Словник словаря Л. Ф. Соловьева формируется преимущественно из лексических единиц, которые представляют человека в бытовой и хозяйственно-промысловой сферах, в его физической и интеллектуальной деятельности, в его отношениях с другими людьми. При этом часто это номинации характеристик и действий человека, выходящих за рамки нормы и вызывающих отрицательную оценку [Крысин, 2018].

3. Морфологическая и словообразовательная характеристики глаголов

В данной статье остановимся на группе глагольных лексем, называющих изменение выражения лица человека на такое, которое свидетельствует об испытываемых им негативных эмоциях. Естественное выражение лица является привычным, нейтральным и поэтому специально лексическими единицами не фиксируется, а перемена в выражении лица на непри-

1 Первая редакция словаря Л. Ф. Соловьева уже стала предметом описания в статье Т. Н. Бунчук [Бунчук, 2008].

2 Л. Ф. Соловьев может быть отнесен к особой категории носителей диалекта — «информантов», чья рефлексия над местными языковыми явлениями становится более интенсивной вследствие встречи с полевыми исследователями [Мищенко, 2012].

вычное, напротив, маркируется, и слова закрепляются в словарях. В словаре Л. Ф. Соловьева данную группу составляют четыре глагола: *искулибачиться*, *истпирожиться*, *истравиться* и *иступыриться*. Все глаголы, кроме глагола *истпирожиться*, зафиксированы в обеих редакциях словарей; лексема *истпирожиться* отмечена только во второй редакции словаря.

В памяти носителя языка слова существуют в той форме, которая связана с определенной (частотной, типичной или лучше всего запомнившейся) ситуацией их использования. Так, заглавное слово для рассматриваемых глаголов представлено в записях Л. Ф. Соловьева формой прошедшего времени единственного числа мужского (*искулибачи-л-ся*, *истрави-л-ся*, *иступыри-л-ся*) или женского рода (*истпирожи-л-а-сь*). Переживания, называемые данными глаголами, приписываются как мужчинам, так и женщинам. Семантика глаголов — изменение внешнего облика человека — позволяет предположить, что их заявленная автором как заглавное слово форма прошедшего времени реализует перфектное значение в статально-перфектной разновидности. В самом лексическом значении этих глаголов заключен качественный оттенок перфектного значения (наличное состояние, являющееся результатом действия, которое отягощено качественной характеристикой объекта), грамматическая категория времени ее поддерживает [Маслов, 1987].

Рассматриваемые глаголы образованы по одной словообразовательной модели: «глагол + приставка *из-* и постфикс *-ся*». Данная модель реализует так называемый чрезмерно-кратный способ действия, который выражает отрицательно оцениваемую крайнюю степень (меру) кратного проявления действия, характерного для данного субъекта.

4. Семантическая и мотивационная характеристика глаголов

Охарактеризуем особенности толкования каждого глагола Л. Ф. Соловьевым, выявим мотивационные модели формирования их значений.

4.1. Глагол *истравиться*

Глагол *истравиться* фиксируется в словаре Л. Ф. Соловьева трижды со следующими толкованиями: ‘сморщился, искулибачился’, ‘сконфузился, неловко себя чувствует’ и ‘искажение лица от испуга’. В каждом из объяснений глагола, с одной стороны, есть общий смысловой компонент ‘изменить естественное выражение лица’, с другой — прямо или косвенно названа причина нового состояния (например, испуг или смущение). Здесь обнаруживают себя типичные для диалектного слова (и уже — слова в интерпретации наивного лексикографа) особенности: размытый характер границ значений и склонность толкователя к детализации смыслов, свя-

занные в данном случае, вероятно, с воспоминаниями о конкретных ситуациях, в которых человек проявил себя описанными в объяснениях глагола способами.

Нужно отметить, что глагол *истравиться* получает фиксацию в «профессиональных» диалектных словарях в значении — ‘испортиться (применительно к пищевым продуктам)’ [СРГНП, с. 296; СРНГ, вып. 12, с. 264]. Очевидно, что общим признаком для номинации состояния кого- или чего-либо словом *истравиться* является заметное окружающим изменение качества предмета с признаваемого нормальным на неправильное и потому отрицательно оцениваемое.

В одном из вариантов объяснения глагола *истравиться* автор словаря использует такой способ толкования слова, как указание синонимов, причем одновременно литературного (*сморщился*) и диалектного (*искулибачился*) синонима. Ср. запись в первой редакции словаря: *Истравился — искулибачился — это сморщился значит*; во второй редакции словаря: *Истравился — сморщился, искулибачился*.

4.2. Глагол *искулибачиться*

Глагол *искулибачиться* является в записях Л. Ф. Соловьева вокабулой самостоятельной словарной статьи: *Искулибачился — искривился, хочет плакать вот-вот*. Как видим, в предлагаемых в авторском словаре значениях глаголов *истравиться* и *искулибачиться* есть одинаковый смысловой компонент — ‘искривиться, стать другим (неправильным)’, а отличие обнаруживается в интерпретации случившегося. В объяснении глагола *искулибачиться* указывается не переживаемая эмоция, ставшая причиной искривленного выражения лица (испуг или смущение), а последовательность действий: *искривился — заплакал* (— *успокоился* и имеет нормальное, привычное выражение лица). Идею предшествования состояния, называемого глаголом *искулибачиться*, именно плачу (слезам) Л. Ф. Соловьев отмечает и в устном объяснении значений слов из своего словаря: «*Искулибачился — ооо! захунькал!*» [ФА СГУ, АФ 03438-36].

Глагол *искулибачиться* не отмечен в диалектных словарях, однако в «Словаре русских говоров Низовой Печоры» зафиксированы однокоренные с ним лексемы: существительное *кулебака* и прилагательные *кулебачливый /-ой* и *кулебаковатый*.

В словарной статье для субстантива *кулебяка* после «пищевого» значения слова: ‘пирог с рыбой, обычно открытый, в который рыба кладется целиком или крупными кусками’ — приведен сравнительный оборот *как*

1 Хунькать — ‘плакать, хныкать’ [СРГНП, 2005, с. 407—408].

кулебяка, который реализует значение «антропологическое» — ‘о неглядком, морщинистом, рябом лице’ и ‘об обладателе такого лица’: *Шадровита, небаска, как кулебака* [СРГНП, с. 360—361]. Основанием для подобного сравнения является форма пирога и неровности на его поверхности — в результате развивается значение ‘лицо с дефектами в виде морщин, ямок, шрамов’ и метонимическое значение ‘человек с таким лицом’.

В других русских говорах слово *кулебака* также является отрицательно-оценочным наименованием кушания или человека. Так, в вологодских говорах слово *кулебака* имеет значение ‘неудачно испеченный пирог’, в пермских говорах — ‘неудачно приготовленное кушание’ или ‘некрасивый, безобразный человек’ (*Свадьбу смотрела, да жених-от такой небаской, кулебяка*) [СРНГ, вып. 16, с. 55].

Лексемы *кулебачливый/-ой* и *кулебаковатый* в печорских говорах образуют сочетания со словами, называющими бытовую емкость и человека соответственно. *Кулебаковатой* называют бочку ‘неправильной формы, с неодинаково выгнутыми сторонами’, *кулебачливым* — человека ‘со сморщившимся от старости, озабоченности, обиды лицом’ [СРГНП, с. 361]. Таким образом, особенности формы и внешней организации, рельефа, контура кулебяки стали основой формирования значений прилагательных и сравнительного оборота *как кулебяка*.

Обращает на себя внимание включение в «профессиональное» толкование лексемы *кулебачливый/-ой* указания на причину изменившегося выражения лица: старость, озабоченность, обида. При этом в одном из приводимых в словарной статье контекстов можно увидеть еще одну причину перемены в лице, которая не учтена в дефиниции, но отсылает к объяснению слова *искулибачиться* в авторском словаре Л. Ф. Соловьева, — плач: *Про тово, кто плачет, говорили кулебачливый*.

4.3. Глагол *испирожиться*

Смысловая связь между изменением выражения лица, называемым глаголом *искулибачиться*, и плачем косвенно обнаруживает себя в следующем глаголе рассматриваемой группы — *испирожиться*. Объяснение данного слова в авторском словаре диалектоносителя не подробное, недетализированное: ‘гримаса недовольства’. Вместе с тем мы обратили внимание на то, что вокабула *испирожилась* (номер 434 в словаре) соседствует с вокабулой *разхныкалась*, толкуемой как ‘хочет плакать’ (номер 435 в словаре). Принимая во внимание, что порядок следования слов в словаре Л. Ф. Соловьева свободно-ассоциативный, мы можем предположить в таком соседстве лексем возникшую ассоциативную связь: *испирожилась* — значит исказила лицо в желании заплакать (*разхныкаться*) от отсутствия удовлетворенности чем-либо.

Можно привести еще одно свидетельство того, что глаголы *искулибачиться* и *испирожиться* в памяти носителей печорских говоров соположены. Марфа Ананьевна Дуркина, жительница с. Трусово Усть-Цилемского района Республики Коми, 1934 года рождения, — человек, так же, как и Л. Ф. Соловьев, подмечающий «местные» слова и выражения и записывающий их, на вопрос «А такое слово говорили — *испирожился?*» ответила так: *Говорили. Искулибачилась — испирожилась. Такой вид какой ле сделаешь, что это будто ты кака ле больна, а сама здорова. Я-то так понимаю. Еще скажут: ну там вся искулебачилась да испирожилась да... к одному относится вроде* [ФА СГУ, АФ 03436-6].

Вероятно, притягивающим друг к другу лексемы *искулибачиться* и *испирожиться* началом являются эксплицируемые на основе анализа их прозрачной внутренней формы мотивировочные признаки этих слов, которые тематически относятся к средствам одного кода — кулинарно-гастрономического: *кулебака* — *искулебачиться* и *пирог* — *испирожиться*. Пицца входит в ближайшее, домашнее, окружение человека, и это обеспечивает естественность и удобство ее использования в качестве инструмента познания действительности.

Глагол *испирожиться* зафиксирован в «Словаре русских говоров Низовой Печоры», однако не в значении, относительно точно совпадающем с тем, что находим в автословаре Л. Ф. Соловьева («гримаса недовольства»), а в значении «стать старым, никуда негодным» (*Кулебяцъливу то банку вспоминать не будете испирожилась ся*) [СРГНП, с. 294]. Напомним, что в близком последнему значении в «профессиональном» диалектном словаре зафиксировано слово *истравиться* — «испортиться» [СРГНП, с. 296; СРНГ, вып. 12, с. 264]. Таким образом, в отличие от специалиста в области диалектной лексикографии наивный составитель словаря последовательно сужает значения слов при их объяснении, делая ведущими и смысловозначительными те признаки, которые важны в контексте межчеловеческих отношений, в житейских ситуациях, свидетелем которых он становился.

4.4. Глагол *иступыриться*

Наконец, еще одним глаголом из лексической группы с общим значением «изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции», который включен в авторский словарь Л. Ф. Соловьева, является глагол *иступыриться*: *Иступырился — нахмурился, насупился, грозный вид*. Как кажется, это «местное» слово может быть рассмотрено как одно-коренное к литературному разговорно-сниженному глаголу *топыриться* в значении «упорствовать, упрямиться» [БТС, 2000, с. 1332]. Семантическую связь между ними можно увидеть в том, что в лексеме *топыриться*

реализуется идея ментального мотива поведения человека — держаться своего, а слово *иступыриться* обозначает обусловленные ей внешние изменения (наморщить лоб, сдвинуть брови). Корни слов *-тупыр-* и *-топыр-* в таком случае представляют собой фонетические варианты. Возможность такого предположения базируется на нескольких основаниях. Взаимозамену *o* и *y* допускает лабиализованный характер артикуляции обеих гласных, который является существенным дифференциальным признаком, отличающим их от других гласных фонем русского языка. Известно, что подобное дублирование *o* и *y* в корнях слов обнаруживается в языке с достаточной степенью регулярности: ср. известные и русскому языку слова-дублиеты со славянским корнем — *строгать* и *стругать* или иноязычные по происхождению — *ноль* и *нуль*, *тоннель* и *туннель*, *банкрот* и *банкрут*.

5. Выводы

Таким образом, лексемы, зафиксированные диалектоносителем в авторском словаре, могут быть рассмотрены через представление их парадигматических связей. Отдельную группу лексем, выявленных в словаре «старинной пижемской лексики» Л. Ф. Соловьева, образуют четыре глагола, объединенных общим значением ‘изменить нейтральное выражение лица на обозначающее негативные эмоции’.

Самым активным в памяти составителя словаря, судя по количеству упоминаний в нем — три раза в разных частях словаря, является глагол *истравиться*. За ним следует глагол *искулибачиться*, который встречается в обеих редакциях словаря (как и слово *иступыриться*) и выступает в качестве синонима при объяснении *истравиться*. Только в одном, позднем — переписанном и отредактированном автором, варианте словаря зафиксирован глагол *испирожиться*.

Все глаголы представлены в словаре в самой «функциональной» с точки зрения его автора грамматической форме — форме прошедшего времени мужского (*истравился*, *искулибачился*, *иступырился*) или женского (*испирожилась*) рода. Объяснить главенство данной формы можно, с одной стороны, ориентированностью словаря диалектоносителя на прошлое: отобранные им слово призвано показать, как говорили раньше, поэтому называемые такими словами действия отнесены в прошлое; с другой стороны, особенностью лексического значения данных глаголов: в их лексическом значении заключен качественный оттенок перфектного значения, которое преимущественно характерно для форм прошедшего времени совершенного вида от глаголов непереходных при обозначении ими состояния субъекта действия в момент высказывания.

Объяснения слов, которые приводит Л. Ф. Соловьев, разного типа: указание синонимов, как литературных, так и диалектных (с использованием слова *значит* или без него: *истравился — сморщился, искулибичился*); описание именуемого состояния в контексте развития ситуации с обозначением ее предыдущего (*искажение лица от испуга*) или последующего (*хочет плакать вот-вот*) этапов.

В толкованиях автора словаря очевиден общий смысловой компонент, позволяющий объединить глаголы в одну группу, — идея изменения выражения лица, которое свидетельствует об отрицательной оценке происходящего и переживании негативных эмоций. Эта идея выражена следующими словами в объяснениях: *искривился, сморщился, нахмурился, искажение, гримаса*. Кроме этого, объяснения глагольных лексем содержат указания на детали, позволяющие развернуть актуальный для носителя диалекта контекст их употребления. Приложимым к большому числу ситуаций (от смущения до испуга) является слово *истравиться*, остальные глаголы более определенно соотнесены в сознании диалектоносителя с конкретными обстоятельствами, которые вызывают изменение выражения лица: *искулибачиться — хотеть плакать, иступитьсь — иметь грозный вид, испирожиться — быть недовольным*.

Глаголы имеют очевидное словообразовательное строение и прозрачную внутреннюю форму. Обозначения *кулебака* и *пирог* выступают производящими основами для слов *искулебачиться* и *испирожиться*. Основанием для подобного развития значения является форма пирога и неровности на его поверхности, осмысляемые как неровности и искривления на лице человека. В основу именованного изменения выражения лица словом *истравиться* положен признак перемены качества объекта на худший, непригодный для использования, отклонившийся от нормы.

Обратим внимание на представленность рассмотренных глагольных лексем, выявленных в словаре диалектоносителя, в «профессиональных» диалектных источниках. Только глаголы *истравиться* и *испирожиться* зафиксированы в «Словаре русских говоров Низовой Печоры», глагол *искулибачиться* не отмечен ни в одном из известных диалектных словарей, но имеет прочные смысловые связи с отраженными в них однокоренными диалектными единицами (*кулебака, кулебаковатый, кулебачливый*), не имеет словарного закрепления глагол *иступитьсь*. Это может быть связано с разными причинами: большой сложностью учета всего лексического состава говоров; невысокой частотностью употребления данных лексем в речи, связанной с процессом разрушения диалектных систем, их сближением с системой литературного языка, и т. д. Однако указанный факт

еще раз свидетельствует об осмысленной и не раз доказанной научной ценности разных форм народной лингвистики для представления словарного состава того или иного говора, выявления / подтверждения тенденций формирования и развития смысловой структуры слова, реконструкции традиционных представлений о мире.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1534 с.
2. СРГНП — *Словарь русских говоров Низовой Печоры* / науч. ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический ф-т СПбГУ, 2003—2005. — Т. 1—2.
3. СРНГ — *Словарь русских народных говоров*. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург, 1965—2016. — Вып. 1—49.
4. ФА СГУ, АФ — Фольклорный архив СГУ им. Питирима Сорокина, Усть-Цилемское собрание, аудиофонд.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондаренко Е. Д.* Наивная лингвистика диалектоносителей: этносоциолингвистический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. Д. Бондаренко. — Екатеринбург, 2016. — 371 с.
2. *Бунчук Т. Н.* Старинная пижемская лексика, собранная Л. Ф. Соловьевым: к вопросу о языковом сознании диалектоносителя / Т. Н. Бунчук // *Русское слово: литературный язык и народные говоры : материалы Всероссийской научной конференции (Ярославль, 25—27 октября 2007 г.)* / отв. ред. Т. К. Ховрина. — Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, 2008. — С. 84—90.
3. *Гаврилова К. А.* Конференция «Народная лингвистика» — взгляд носителей языка на язык» / К. А. Гаврилова // *Антропологический форум*. — 2013. — № 18 online. — С. 423—443.
4. *Казакова Е. Д.* Авторский словарь диалектоносителя: прагматический аспект / Е. Д. Казакова // *Народная лингвистика: взгляд носителей языка на язык : тез. докл. междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 19—21 ноября 2012 г.* — Санкт-Петербург, 2012. — С. 26—28.
5. *Крысин Л. П.* Человек как объект оценки средствами русской устно-разговорной речи / Л. П. Крысин // *Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты*. — 2018. — № 3 (34). — С. 9—33.
6. *Маслов Ю. С.* Перфектность / Ю. С. Маслов // *Теория функциональной грамматики : введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. — Москва : URSS, 1987. — С. 195—209.
7. *Мищенко Д. Ф.* Профессия : информант / Д. Ф. Мищенко // «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык : тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 19—21 ноября 2012 г. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 39—41.
8. *Хроленко А. Т.* Народная филология: природа, формы, эвристические возможности / А. Т. Хроленко // *Русский язык в школе*. — 2015. — № 5. — С. 66—73.

9. Шевченко Е. В. Толкование значения слова как форма выражения метаязыкового сознания диалектоносителя / Е. В. Шевченко // Вестник Омского университета. — 2011. — № 1. — С. 152—155.

VERBS WITH THE MEANING ‘CHANGE FACIAL EXPRESSION TO DENOTING NEGATIVE EMOTIONS’ IN DICTIONARY OF DIALECT SPEAKER¹

© Yulia N. Pyina (2020), orcid.org/0000-0002-1409-1148, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University” (Syktyvkar, Russia), juli_ii1@mail.ru.

The material for the article was the author’s dictionary of a resident of the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic. The author of the article dwells on the characteristics of the verbs grouped on the basis of a common meaning ‘to change a neutral facial expression to denoting negative emotions’. The novelty of the research is seen in the fact that the considered group of dialectal verbs has not previously attracted the attention of researchers. The author notes that the form of the headword of the verbs in the author’s dictionary is conditioned both by the structure of a person’s memory and by their very lexical meaning, which contains a qualitative shade of perfect meaning. It is emphasized that the verbs are either not recorded in “professional” dialectal dictionaries, or their other meanings are noted in them. The author proceeds from the fact that dictionaries compiled by non-professional lexicographers are valuable in determining the lexical composition of a dialect and clarifying the meanings of dialectisms. It is concluded that the verbs of this group are differently active in the memory of the dialect speaker: the word *istravitsya* is recorded in the vocabulary variants several times and turns out to be used for a large number of situations, other lexemes turn out to be less frequent and more specific in their relevance to the described circumstances. It has been proven that verbs have a transparent inner form, including specially described motivational features of words that are thematically related to the means of one code — culinary and gastronomic.

Key words: naive dialectal lexicography; Pechora dialects; semantic and motivational analysis.

MATERIAL RESOURCES

- BTS — Kuznetsova, S. A. (ed.). (2000). *Bolshoy tolkovyy slovar’ russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian language]. Sankt-Peterburg: Norint. 1534 p. (In Russ.).
- FA SGU, AF — *Folklornyy arkhiv SGU im. Pitirima Sorokina, Ust’-Tsilemskoe sobranie, audiofond* [Folklore archive of SSU im. Pitirim Sorokin, collection of Ust-Tsilma, audiofond]. (In Russ.).
- SRGNP — Ivashko, L. A. (ed.). (2003—2005). *Slovar’ russkikh govorov Nizovoy Pechory* [Dictionary of Russian dialects of the Nizovaya Pechora]. Sankt-Peterburg: Filologicheskiy f-t SPbGU. 1—2. (In Russ.).

¹ This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-012-00593 “Facets of the spiritual heritage of Ust-Tsilma: folklore, book learning, language (new sources)”.

SRNG — Filin, F. P., Andreeva-Vasina, N. I. et al. (eds.). (1965—2016). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moskva; Leningrad; Sankt-Peterburg. 1—49. (In Russ.).

REFERENCES

- Bondarenko, E. D. (2016). *Naivnaya lingvistika dialektonositeley: etnosotsiolingvisticheskiy aspekt: PhD Diss.* [Naive linguistics of dialect carriers: ethnosocial linguistic aspect. PhD Diss.]. Yekaterinburg. 371 p. (In Russ.).
- Bunchuk, T. N. (2008). Starinnaya pizhemsкая leksika, sobrannaya L. F. Solovyevym: k voprosu o yazykovom soznanii dialektonositeleya [Old Pizhma vocabulary collected by L. F. Solovyov: on the question of the linguistic consciousness of a dialect carrier]. In: *Russkoye slovo: literaturnyy yazyk i narodnyye govory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii* [Russkoye slovo: literaturnyy yazyk i narodnyye govory: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii]. Yaroslavl: Izd-vo Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. D. Ushinskogo. 84—90. (In Russ.).
- Gavrilova, K. A. (2013). Konferentsiya “‘Narodnaya lingvistika’ — vzglyad nositeley yazyka na yazyk» [Conference “‘Folk Linguistics’: language from the speakers’ perspective”]. *Antropologicheskyy forum* [Anthropological Forum], 18 online: 423—443. (In Russ.).
- Kazakova, E. D. (2012). Avtorskiy slovar' dialektonositeleya: pragmaticheskiy aspekt [Author's dictionary of dialect speaker: pragmatic aspect]. In: «*Narodnaya lingvistika*»: vzglyad nositeley yazyka na yazyk: tez. dokl. mezhdunar. nauch. konf. [“Folk Linguistics”: language from the speakers’ perspective: theses of reports of the international scientific conference]. Sankt-Peterburg. 26—28. (In Russ.).
- Khrolenko, A. T. (2015). Narodnaya filologiya: priroda, formy, evristicheskie vozmozhnosti [Folk philology: nature, forms, heuristic possibilities]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], 5: 66—73. (In Russ.).
- Krysin, L. P. (2018). Chelovek kak obyekt otsenki sredstvami russkoy ustno-razgovornoy rechi [A person as an object of assessment by means of Russian oral speech]. In: *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnyye aspekty* [Man: image and essence. Humanitarian aspects], 3(34): 9—33. (In Russ.).
- Maslov, Yu. S. (1987). Perfektnost' [Perfection]. In: *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: vvedenie, aspektualnost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Functional grammar theory: introduction, aspectuality, temporal localization, taxis]. Moskva: URSS. 195—209. (In Russ.).
- Mishchenko, D. F. (2012). Professiya: informant [Profession: informant]. In: «*Narodnaya lingvistika*»: vzglyad nositeley yazyka na yazyk [Conference “Folk Linguistics”: language from the speakers’ perspective]. Sankt-Peterburg. 39—41. (In Russ.).
- Shevchenko, E. V. (2011). Tolkovanie znacheniya slova kak forma vyrazheniya metayazykovogo soznaniya dialektonositeleya [Interpretation of the meaning of a word as a form of expression of the metalinguistic consciousness of the bearer of the dialect]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 1: 152—155. (In Russ.).